

УДК 340+336

А.В. Черновалов, Ж.В. Черновалова

НОВЫЕ УЧЕБНЫЕ КУРСЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

В статье рассматриваются как методологические проблемы становления основ количественного анализа в институциональных исследованиях, так и обсуждаются методические проблемы преподавания курса институционалистики в высших учебных заведениях. Предлагается обзор приемов этнометрического анализа и рассматривается связанная с последним проблема оценки институциональной эффективности. Даются практические рекомендации по осуществлению прикладных институциональных исследований.

Введение

В течение 2007–2008 учебного года на юридическом факультете, а в 2008–2009 учебном году и далее на юридическом и географическом факультетах планируется, что студентам будет излагаться материал по новым специализированным курсам, подготовленным кафедрой теоретической и прикладной экономики – *институционалистика и экономическая теория права*.

Вполне понятно, что новые названия курсов могут вызывать вопросы по поводу их содержания и практической ценности для конкретных специальностей, по которым ведется подготовка на вышеназванных факультетах. В целях предоставления ответов на возможные вопросы и разъяснения содержательной составляющей этих курсов и подготовлена настоящая статья. Предварительно хотелось бы отметить, что, несмотря на содержательную общность институционалистики и экономической теории права, они все-таки различаются. Так, институционалистика ориентирована на экономическую подготовку, поэтому ее предмет исследуется приемами и методами количественного анализа институциональных и организационных трансформаций на микро- и макроуровнях. Экономическая теория права предназначена для юристов. Последняя, используя институциональную методологию, положила в свою содержательную основу проблематику качественного анализа формальных правил и норм (хозяйственного законодательства), исследование их осуществимости и эффективности в конкретных ситуациях, реализующих контрактные отношения между различными участниками бизнес-процессов.

Актуальность и новаторство

В чем же актуальность предлагаемой области институционального знания? На этот вопрос можно дать следующий ответ. В последнее десятилетие белорусская экономика демонстрирует высокие темпы своего развития и создается впечатление, что подобное развитие приобрело характеристики устойчивости и незыблемости. Однако, как только общество приблизится к уровню благосостояния европейских стран (хотя бы ЦВЕ) и технологическая граница за счет иностранных инноваций будет достигнута, хозяйственная система столкнется с серьезными вызовами: необходимостью разработки и внедрения собственных, опережающих западные, технологических инноваций и институциональных трансформаций¹.

¹По оценкам ИМЭМО РАН, по отдельным информационно-коммуникационным технологиям Корея, Китай и Индия уже перешли от догоняющего развития к лидирующему. В 2020 году ожидается,

В таком случае успех или провал рыночной или какой-то другой более эффективной модернизации Беларуси во многом зависит от того, насколько наша славянская ментальность схожа с европейской, или насколько рыночные институты эластичны по отношению к славянской ментальности², либо насколько мы способны воспроизвести новые хозяйственные институты, основанные только на славянской (восточной) традиции, соответствующие другому экономическому укладу, который, возможно в силах дать более впечатляющий экономический результат.

С другой стороны, инвесторы (иностранные и отечественные), приходящие на рынок Беларуси, должны иметь возможность получения достоверной информации (в соответствии с терминологией Г. Хофстеда [7]) о доминирующих у населения трудовых ценностных и ментальных установках, представленных в той или иной области, городе или поселке Беларуси. Все это чрезвычайно важно для инвестора, так как такие установки в значительной степени влияют на конечный финансовый результат. А мы – ученые – должны быть готовы провести соответствующие исследования на основе собственных оригинальных методик, научить этому наших студентов и предложить результаты таких исследований за высокие гонорары.

Есть ли у современной науки метод количественного измерения различий экономической ментальности людей разных наций? Существует несколько таких подходов, например, один из – «поведенческая экономика» А. Тверски и нобелевского лауреата Д. Канемана³. Другой подход – этнометрия Г. Хофстеда и его последователей – количественные методы анализа национальных культур, основанные на сравнении национальной ментальности какой-либо страны с ментальностями в других странах. Здесь имеется в виду *теория этнометрии* [7] – направление этносоциальных исследований, в котором анализируются ментальные характеристики различных этнических групп (обычно речь идет о нациях) с использованием формализованных (математических) методов.

Однако, по нашему убеждению, мы не продвинемся ни на йоту вперед в научных исследованиях, пока не разработаем принципы оценки институциональной эффективности и не предоставим в распоряжение методической деятельности количественный институциональный анализ. В этой связи предлагается развить новое направление в институциональной теории, которое имеет рабочее название *«институционалистика»*. Это направление, по нашему мнению, должно сыграть роль *экономикса* и предоставить институционалистам возможность разговаривать не только на языке формулировок и качественных оценок, но и на языке цифр, который проистекает из функционирования соответствующего количественного анализа⁴. Приведенная ниже схема показывает, что в практической деятельности современные специа-

что на страны Азии придется 45% мирового объема НИОКР, в том числе на Китай – 20%, а на США – 28%. Но возможно ли это без институциональных трансформаций и усвоения европейских культурных ценностей? На этот вопрос еще предстоит получить ответ.

²Указанная проблематика рассмотрена нами в работе [9].

³Поведенческой экономикой называют изучение (как правило, с использованием современных методов математического анализа) стереотипов мышления и поведения людей. К сожалению, в рамках поведенческой экономики пока практически нет специальных исследований межнациональных различий и эффективности функционирования в различных национальных государствах рыночных институтов.

⁴Возвращаясь к высказываниям Р. Коуза в своей Нобелевской лекции, хочется привести следующее: «Иногда мои высказывания интерпретировали в том смысле, что я – противник математизации экономической теории. Это неверно. На самом деле, коль скоро мы начинаем выявлять реальные факторы, влияющие на функционирование экономической системы, сложные взаимосвязи между ними, очевидно, потребуют математической обработки..., а экономисты..., пишущие прозой, благоразумно отклоняются. Скорее бы наступили эти времена!» [4, с. 342].

листы все реже обращаются к расчетам из области неоклассического количественного анализа (рисунок 1).

Институционалистика представляется разделом науки, который посредством использования количественного анализа оценит рациональность разработки институциональных проектов (формальных правил и норм, фирменных рутин и прочих разновидностей институтов) и эффективное их внедрение в действующую институциональную среду государства и его нано-, микро- и мезоэкономических элементов. При этом главная теоретическая проблема *институционалистики* лежит в области *разрешения методологии расчета критериев институциональной эффективности*. Значительное место в институционалистике уделяется анализу состояния институциональной среды, которая наилучшим образом описывается при помощи уже упоминавшихся приемов этнометрики Г. Хофстеда. Институциональная система представляется в виде *институциональной матрицы*, состоящей из множества институтов и институциональных проектов.

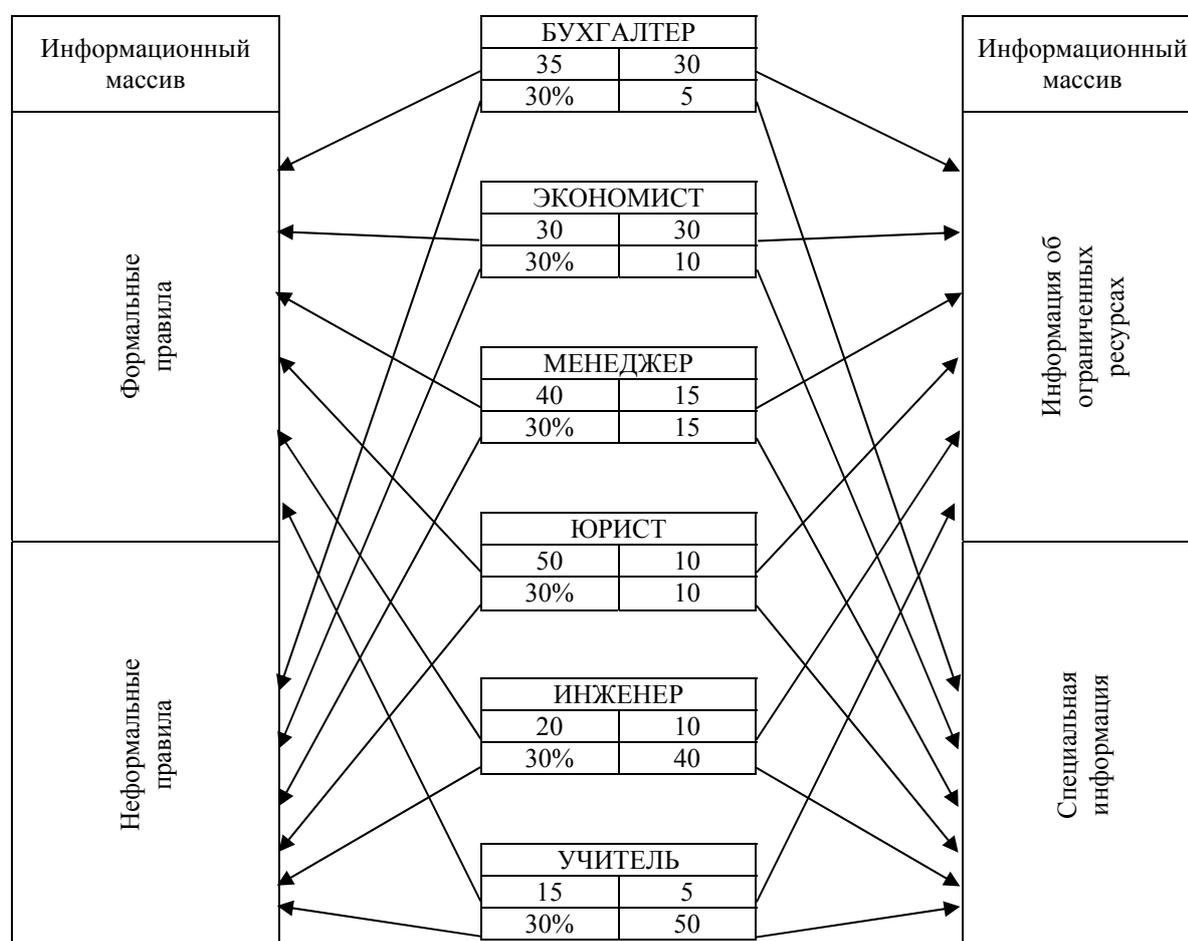

Рисунок 1 – Структура информационной обеспеченности основных видов профессиональной деятельности⁵

⁵Сформировалась такая структура по многим причинам, одна из которых – широкое распространение информационных технологий, которые почти полностью автоматизировали труд экономистов и бухгалтеров. Эти специалисты в настоящее время все большую часть рабочего времени используют на обработку информации институционального характера, то есть связанной с функционированием формальных и неформальных правил (интерпретация постановлений правительств и ведомств, налоговое, банковское, контрактное законодательство, внутрифирменные решения и их характер, стили управления

Эластичность институциональной матрицы к параметрам институциональной среды и даст, по нашему мнению, возможность оценить институциональную эффективность⁶.

Показатели Хофстедовой методики⁷

Каков же смысл выделенных Г. Хофстедом показателей? Одни из них (индивидуализм и дистанция власти) в общем совпадают с обыденными представлениями о базовых ценностях человеческого поведения, другие не столь очевидны.

В Хофстедовой методике рассчитывались индексы пяти ментальных ценностей: индивидуализм; дистанция власти; избегание неопределенности; маскулинность; долгосрочная ориентация (первоначально этот показатель называли «конфуцианским динамизмом»). Каждая из исследованных по Хофстедовой методике стран получает числовые оценки по этим пяти измерениям, которые варьируются обычно в интервале от 0 до 100. В таблице 1 показаны Хофстедовы индексы по некоторым странам; общее число стран, изученных по его методике, – около 60.

Индивидуализм (IDV) – показатель того, что предпочитают люди: заботиться только о себе и собственных семьях либо объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

Таблица 1 – Ценностные показатели по некоторым странам мира

Страна	Дистанция власти PDI	Избегание неопределенности UAI	Индивидуализм IDV	Маскулинность MAS	Долгосрочная ориентация LTO
Китай	80	30	20	66	118
Бразилия	69	76	38	49	65
Венесуэла	81	76	12	73	–
Индия	77	40	48	56	61
Израиль	13	81	54	47	–
Ирландия	28	35	70	68	43
Испания	57	86	51	42	19
Италия	50	75	76	70	34
Россия ⁸	93	95	39	36	–
США	40	46	91	62	29
Франция	68	86	71	43	39
Швеция	31	58	68	70	40
Япония	54	92	46	95	80

и психологическая обстановка в коллективе и прочее), для которых пытаются подыскать собственные внутрифирменные методики оценки эффективности их функционирования.

⁶Причем в этих условиях появляется возможность оценивать эффективности не только организационных решений, применяемых внутри фирм или научных творческих групп, но и оценивать количественно применимость и эффективность того или иного судебного решения в хозяйственных или гражданских процессах.

⁷Исследования Г. Хофстеда даны в интерпретации, изложенной в [5; 7].

⁸Данных по Беларуси не имеется, так как исследования подобного характера в стране не проводились. Однако начиная с 2000 года такие исследования проводились в России. Можно считать, что эти данные приблизительно соответствуют данным по Беларуси. Вместе с тем следует отметить, что исследования такого рода чрезвычайно важны для инвесторов, приходящих на рынок Беларуси. Поэтому крупным учебным и исследовательским организациям следовало бы выделить на это необходимые финансовые ресурсы и реализовать подобные исследования.

Дистанция власти (PDI – Power Distance), или дистанция по отношению к власти, – это параметр, описывающий готовность людей принимать неравномерность распределения власти в институтах и организациях.

Избегание неопределенности (UAI – Uncertainty Avoidance) – показатель того, насколько люди терпимы к неопределенным ситуациям либо пытаются уклониться от них посредством выработки четких правил, веря в абсолютную истину и отказываясь терпеть девиантное поведение.

Маскулинность (MAS – Masculinity) – это оценка склонности людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе в ущерб интересу к другим людям.

Наконец, *долгосрочная ориентация (LTO – Long Term Orientation)* – показатель того, насколько общество проявляет прагматизм и стратегически ориентируется на будущее, в противоположность традиционализму и краткосрочной (тактической) ориентации.

Используя данные Г. Хофстеда, можно построить «карту» ценностных показателей разных стран мира и определить на ней место России, а ориентируясь на нее – и место Беларуси. Эта «карта» покажет нам, какие именно страны наиболее близки к России по своей хозяйственной культуре. Поскольку у Г. Хофстеда пять ценностных показателей, полная ментальная «карта мира» должна быть пятимерной. Но для упрощения анализа можно ограничиться одной двухмерной проекцией этой «карты», показывающей индексы *PDI* и *IDV* (рисунок 2).

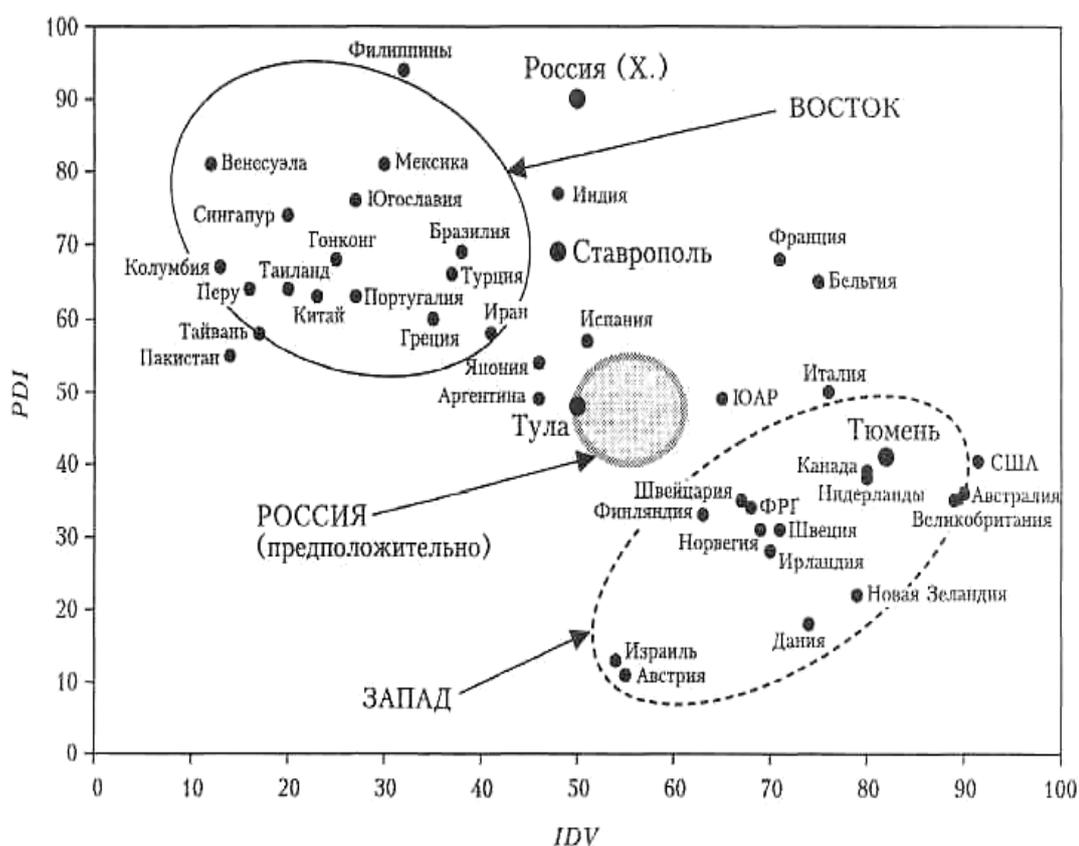

Рисунок 2 – Россия на карте ментальных различий между мегацивилизациями Востока и Запада, согласно методике Г. Хофстеда⁹

⁹ Показаны первоначальная оценка Г. Хофстеда («Россия (X)»), данные исследования 2004 года по трем городам России (Ставрополь, Тула и Тюмень), а также предположительная оценка российской ментальности в целом («пятно»).

В специализированной литературе высказывалось мнение, будто никаких различий между западной и восточной ментальностью на самом деле нет, однако на «карте» явно выделяется группировка стран Востока, показанная сплошной линией, и стран Запада – пунктиром. Очевидно, что эти две группы довольно сильно отличаются друг от друга. Страны западно-европейской культуры (Запад) сгруппированы в правом нижнем углу «карты», для них типичны сильный индивидуализм и низкая дистанция власти. Страны же Азии, Африки и Латинской Америки (Восток) сосредоточены в левом верхнем углу, что указывает на слабый индивидуализм и высокую дистанцию власти. Данные по России показывают, что она занимает промежуточную позицию между Востоком и Западом. Положение России представлено на Хофстедовой «ментальной карте мира» не точкой, а «пятном»: пока репрезентативных Хофстедовых опросов по России в целом не проводилось, о ее координатах на представленной карте лучше делать выводы без чрезмерной категоричности.

Приведенная карта и данные Хофстедовских исследований подтверждают наши выводы, сделанные в более ранних публикациях, о существовании различных классификационных групп институциональной среды для различных государств. Институциональная среда, как известно, определяет основные условия хозяйствования с учетом действующих традиций и институтов¹⁰. В наших ранних публикациях мы указывали, что экономическая ментальность России и Беларуси лежит посередине: *славянская ментальность – промежуточная между «западной» и «восточной»*. Мы почти в равной степени отличаемся и от «нормального» Запада, и от «нормального» Востока – мы «не нормальны» и по западным, и по восточным меркам.

Институциональные теоремы¹¹

Многие исследователи неoinституционального направления пытаются использовать для характеристики функционирования рыночных экономических систем теорему Коуза, не учитывая при этом специфических особенностей и классификационных характеристик соответствующей институциональной среды. Среди российской и белорусской научной общественности широко известна работа В. Андроффа, который применил теорему Коуза для анализа приватизационных процессов в постсоветских странах¹² [1, с. 123]. В своей работе Б. Ерзкян по этому поводу отмечает: «Не претендуя на истину в последней инстанции, отметим, что основной методологический недостаток и не только подхода В. Андроффа заключается в ошибочном толковании самого феномена, описываемого теоремой: возможность эффективного перераспределения прав собственности трактуется как его обязательность, как процесс, который непременно дол-

¹⁰В работе [3, с. 10–15] мы выделяем следующие классификационные группы институциональной среды: (1) Моноконфессиональная с нормативной (романогерманской) правовой традицией (Германия, Австрия, Франция, Испания, Польша, Чехия, Венгрия и т. д.); (2) Поликонфессиональная с прецедентной (англосаксонской) правовой традицией (США, Англия, Ирландия, Япония, Канада, Австралия); (3) Моноконфессиональная с исламской правовой традицией (Египет, Сирия, Иордания, Иран, Ирак, Ливия, Малайзия, Индонезия и пр.); (4) Поликонфессиональная с нормативно-рутинной правовой традицией (Россия, Украина, Страны Прибалтики, Индия, Китай, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Молдова, Туркменистан, Венесуэла, Куба).

¹¹Здесь имеются в виду теорема Коуза и теорема институциональной эффективности.

¹²В. Андрофф, использовавший для анализа постсоветской приватизации *теорему Коуза*, указывает, что «согласно теореме Коуза, исходное распределение прав собственности несущественно с точки зрения экономической эффективности, если эти права четко специфицированы и ими можно обмениваться на совершенно конкурентном рынке». Но это утверждение справедливо для уже сформировавшихся рыночных экономик, в которых права собственности четко специфицированы (большинство граждан владеют акциями предприятий и фирм и знают, как ими правильно распоряжаться), функционирует фондовый рынок, где указанные права собственности подвергаются рыночной оценке с соответствующей этой оценке процедурой реализации (обмена).

жен осуществиться» [2, с. 123]. По нашему мнению, можно выделить и другие недостатки теоремы Коуза, если использовать ее в исследовании хозяйственных процессов в славянских странах с определенными заданными параметрами ментальности:

1. Теорема основана на принципе методологического индивидуализма.
2. Теорема не дает ответа на вопрос о критериях институциональной эффективности.
3. Теорема рассматривает условия функционирования институтов и правовых норм западного образца.
4. Теорема действует при реализации полной приватизации и доминировании фирм с частной собственностью над государственными.
5. Теорема реализуется в условиях полноценно функционирующего фондового рынка.
6. Теорема не учитывает характеристики и условия действующей институциональной среды.

Поэтому разрешение методологической проблемы расчета критериев институциональной эффективности лежит, по нашему мнению, в области формулирования эконометрических моделей, использующих принцип эластичности, институциональной системы по отношению к национальной институциональной среде.

В целях устранения приведенных недостатков теоремы Коуза нами предлагается использовать в научных исследованиях, связанных с оценкой эффективности проектируемого хозяйственного законодательства, **теорему институциональной эффективности**¹³.

Если трансакционные издержки положительны ($TRC > 0$), то их относительная экономия есть критерий институциональной эффективности при условии, что применяемая в экономической системе модель институционального проекта обладает параметрами эластичности по отношению к институциональной среде.

Показателем институциональной эффективности может служить коэффициент эластичности конкретного институционального проекта (института, субинститута, институциональных инструментов и прочего) к действующей институциональной среде. В формализованном виде его можно представить следующим образом:

$$E_i = \alpha_{ij} / I_{is},$$

где: I_{is} – характеристика институциональной среды конкретного межгосударственного, национально-государственного, внутригосударственного (организация, фирма) образования;

α_{ij} – характеристика конкретного, выбранного для оценки эффективности функционирования, институционального проекта ($i = 1...n$; $j = 1...m$).

Проведенные исследования показали, что:

1. Если $E_i = 0$, наблюдается неоклассический вариант экономических исследований, когда при моделировании происходит абстрагирование от информационных проблем и $TRC = 0$.

2. Если $0 < E_i < 1$ и $E_i \rightarrow 0$, внедрение институционального проекта и связанные с ним $TRC > 0$ не вызывают значительных положительных колебаний ценовых норм, следовательно, проект обладает совершенной положительной эффективностью.

3. Если $0 < E_i < 1$ и $E_i \rightarrow 1$, внедрение институционального проекта и связанные с ним $TRC > 0$ вызывают положительные колебания ценовых норм, следовательно, проект обладает относительной положительной эффективностью.

4. Если $-1 < E_i < 0$ и $E_i \rightarrow 0$, внедрение институционального проекта и связанные с ним $TRC > 0$ вызывают незначительные отрицательные колебания ценовых норм, следовательно, проект обладает незначительным отрицательным эффектом.

¹³Доказательство теоремы изложено в работе [9].

5. Если $-1 < E_i < 0$ и $E_i \rightarrow -1$, внедрение институционального проекта и связанные с ним $TRC > 0$ вызывают значительные отрицательные колебания ценовых норм, следовательно, проект неэффективен.

Заключение

Слабое развитие этнометрии в современной Беларуси создает большие препятствия для решения часто обсуждаемой проблемы выбора зарубежных институтов. Уже осознано, что лучше приживаются те импортные институциональные проекты, которые эластичны (конгруэнтны) уже существующим отечественным институтам. Славянская экономическая ментальность – фундаментальный неформальный институт белорусской экономики – вероятно, сильно отличается как от «типично западной» ментальности, так и от «типично восточной» [6]. На основе этого наблюдения можно усомниться в успехах институционального импорта вообще – и с Запада, и с Востока. Впрочем, институты тех стран, чьи этнометрические характеристики наиболее близки к Беларуси (например России), будут все же обладать достаточно высокой конгруэнтностью, именно они могут прижиться на нашей почве. Признавая ментальное единство Беларуси, следует обращать особое внимание на существенные различия между ее регионами: например, между «западными» Гродно и Брестом и «восточными» Витебском и Могилевом. Возможно, областям Беларуси следует осуществлять институциональный импорт организационных решений, бизнес-процессов из разных зарубежных стран, учитывая коэффициент эластичности к ментальности того или иного региона.

Другой важный вывод связан с критикой различных управленческих теорий «измерения уровней управляемости». Он свидетельствует либо о низком научном уровне таких теорий¹⁴ (по своей методологии они представляют собой изложение: соединение высокоуровневых теорий и ценностных суждений с низкоуровневыми обобщениями фактов), либо о их оторванности от реальной экономической действительности, так как измерять уровни управляемости (если эти уровни в терминологии Г. Хосфедда не являются ценностными трудовыми установками) можно лишь с учетом ментальных ценностей конкретной национальной группы или образования.

В любом случае первостепенной задачей для белорусских экономистов и социологов, занимающихся экономической ментальностью как базовым неформальным институтом, является накопление базы данных по этнометрическому анализу, институциональным матрицам и измерению эластичности институциональных проектов (организационных решений) в Беларуси и творческое осмысление полученной информации. Кроме того, ввиду отсутствия методически совершенных учебников по экономике, противоположной *экономиксу* теоретической направленности, определенный интерес должна вызвать дискуссия по обсуждению структуры и содержания предполагаемого учебника по *институционалистике*.

Такой учебник, по нашему мнению, должен состоять из трех частей [8]. В *первой части* следует рассмотреть категориальные и постулативные проблемы формулирования понятия институциональной эффективности. *Вторая часть* должна быть посвящена, по нашему мнению, описанию методов количественного анализа в институциональной экономике. В *третьей части* необходимо рассмотреть теорию фирмы, потребительского поведения в условиях действующих формальных и неформальных правил и принципы функционирования рынка интеллектуального продукта, то есть правил и

¹⁴Одна из таких теорий изложена в работе: Высоцкий, О. А. Теория измерения управляемости хозяйственной деятельностью предприятия / О. А. Высоцкий. – Минск. : ИООО, Право и экономика. – 2004.

норм, а также дать представление о проблемах существования виртуальных экономик и информационного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза / В. Андреев // Вопросы экономики. – 2003. – № 12. – С. 120–137.
2. Ерзнкян, Б. Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза / Б. Ерзнкян // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 121–135.
3. Ключня, В. Л. Характеристики институциональной среды и эффективность формальных хозяйственных правил / В. Л. Ключня, А. В. Черновалов // материалы Международ. науч.-практ. конф. / БрГУ имени А. С. Пушкина. – Брест, 2008. – С. 10–15.
4. Коуз, Р. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» / Р. Коуз // Природа фирмы : учебник / Р. Коуз. – М. : Дело, 2001. – С. 341–351.
5. Латова, Н. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей / Н. Латова, Ю. Латов // Вопросы экономики. – 2008. – № 5. – С. 4–22.
6. Czernowałow, A. V. Wyspecjalizowane repozytorium wiedzy – jako instytucjonalne ujęcie kategorii kapitału ludzkiego / A. V. Czernowałow. – Siedlce : Akademia Podlaska, 2008. – P. 11–22.
7. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in World Related Values / G. Hofstede. – SAGE Publ., 1980.
8. Черновалов, А. В. О необходимости преподавания новой институциональной экономической теории / А. В. Черновалов // Образование для устойчивого развития : материалы Международ. форума / БГУ. – Минск, 2005. – 609 с.
9. Черновалов, А. В. Теорема институциональной эффективности и основные критерии оценки результатов разрешения хозяйственных споров / А. В. Черновалов // Правовое обеспечение современного экономического правосудия – основа устойчивости инновационного развития общества : материалы Международ. науч.-практ. конф. / БрГУ имени А. С. Пушкина. – Брест, 2007. – С. 62–76.
10. Черновалов, А. В. Институционализм: начала количественного анализа в НИЭТ / А. В. Черновалов // материалы Международ. науч.-практ. конф. / БрГУ имени А. С. Пушкина. – Брест, 2008. – С. 21–27.

Chernoalov A., Chernoalova J. New educational courses at university: institutionalistic and economic theory of law

Methodological problems of formation of the basis of quantitative analysis in the institutional research and systematic problems of teaching of the course «institutionalistic» in higher educational establishments are examined in the article. It is shown the survey of methods of ethnometric analysis and connected with it the problem of evaluation of institutional efficiency. Practical recommendations concerning the accomplishment of institutional researches are given in the certain article.